

ною долею терпѣливаго постоянства, — онъ твердо держится союза съ Германіею и въ то же время стоитъ за дружбу съ Россіею, сочувствуетъ мадыарскимъ тенденціямъ и принимаетъ въ расчетъ славянскія симпатіи, не допускаетъ мысли о какой-либо войнѣ и ничего не имѣлъ бы, вѣроятно, противъ того, чтобы другія державы поссорились между собою. Австрія всегда извлекала выгоды изъ замѣшательствъ, въ которыхъ она непосредственно не участвовала; чужія ссоры всегда находятъ сочувственный отголосокъ въ Вѣнѣ и Пештѣ. Но и для того, чтобы успѣшно срывать плоды чужихъ недоразумѣній, требуется энергія и находчивость; а эти качества едва ли присущи нынѣшнимъ правителямъ Австріи. Нельзя сомнѣваться, что вѣнскій кабинетъ имѣлъ бы основательный поводъ радоваться вооруженному столкновенію между Россіею и Англіею; пока соперники боролись бы на Востокѣ, значительная часть балканскихъ земель могла бы легко попасть въ руки Австріи въ награду за ея нейтралитетъ или дружбу, — подобно тому, какъ это было съ Босніею и Герцеговиною послѣ русско-турецкой войны. Графъ Кальноки, быть можетъ, не годился бы для роли счастливаго захватчика; но министры мѣняются сообразно потребностямъ политическаго положенія и, наконецъ, самый вялый дипломатъ становится рѣшительнымъ, когда могущественныя дружины толкаютъ его на извѣстный путь, обставленный всѣми условіями успѣха. Тѣмъ не менѣе Австро-Венгрія проникнута обязательнымъ для нея миролюбіемъ по отношенію къ Россіи, и никто не заподозрилъ бы ее въ какихъ-либо соглашеніяхъ съ враждебною намъ Англіею: готовность пользоваться обстоятельствами далеко не означаетъ еще рѣшимости вызывать ихъ или даже оказывать имъ малѣйшую поддержку. Безполезно разсчитывать на Австрію или опасаться ея въ нормальное время общаго мира; она опасна только въ случаѣ войны сосѣднихъ государствъ между собою или съ посторонними державами. Если предстоятъ еще кровавыя событія въ Европѣ, то не Австрія будетъ въ лагерѣ участниковъ; она будетъ держаться въ сторонѣ до послѣдней возможности, пока не явится искушеніе въ видѣ дешевой добычи или пока вмѣшательство не вызвано будетъ инстинктомъ самосохраненія. Все это настолько ясно даже для самыхъ честолюбивыхъ австрійскихъ дѣятелей, что никому и въ голову не приходитъ связывать свиданіе монарховъ въ Гаштейнѣ и переговоры министровъ въ Варцинѣ — съ общими политическими вопросами, занимавшими европейскую дипломатію въ послѣдніе мѣсяцы. Очевидно только одно, что Австро-Венгрія остается пассивною союзницею Германіи и что союзъ этотъ крѣпнеть съ годами, обращаясь постепенно въ коренной принципъ вѣншей политики Габсбурговъ.

Несравненно больше значенія имѣли празднества въ Кремзирѣ, гдѣ